

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В БУЛЛИНГЕ

DOI: 10.25629/НС.2019.07.21

Лужбина Н.А.¹, Гурова О.С.¹, Подручная Д.А.², Даренских С.С.¹¹Алтайский государственный университет. Россия, Барнаул²Средняя общеобразовательная школа №45. Россия, Сургут

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ такой широко распространенной проблемы образовательных учреждений, как «буллинг». Проявления буллинга различны и затрагивают большое количество детей. Воздействие буллинга может быть направлено на каждого отдельного обучающегося и распространяться на весь социально-психологический климат группы. Первопричина травли становится последствием, а последствие её причиной. Разобраться в этом замкнутом круге пытаются многие учёные, анализируя существующие труды и проводя свои собственные исследования. Также в статье рассматриваются результаты эмпирического исследования, направленного на выявление личностных особенностей подростков, участвующих в буллинге. В данном исследовании применялись следующие методики: опросник диагностики насилия и буллинга в школе Kim Su Jeong в модификации В.Р. Петросянц; тест измерения агрессии Б. Басса и Р. Дарки, адаптированного Л.Г. Почебут; тест стратегий поведения в конфликтной ситуации К. Томаса; методика определения уровня тревожности Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханина. В рамках исследования было установлено, что риск возникновения буллинга увеличивается благодаря высокому уровню агрессивности большинства подростков и использованию ими в конфликтных ситуациях неконструктивных стратегий поведения. Информация о личностных особенностях обучающихся является важным элементом не только в появлении и развитии буллинга в образовательной среде, но и в организации психолого-педагогической работы по его профилактике и коррекции.

Ключевые слова: буллинг, агрессия, тревожность, стратегии поведения в конфликте, подростковый возраст, образовательная среда.

Введение

До недавнего времени то, что происходило в коллективах, группах, учебных классах имело низкую заинтересованность со стороны не только ученых, но и всего общества. Многие процессы попросту считались нормой. В эти «нормальные» явления входил и буллинг (травля, систематическое издевательство). Выделение его в отдельный феномен, изучение его закономерностей стали представляться во многих работах разных авторов (Р.Р. Heinemann, D. Olweus, A. Pikas, E. Roland и др.), которые внесли весомый вклад в науку и стали неким ориентиром в становлении конкретных теоретических знаний по проблеме буллинга [15, 17, 19, 20].

Исследования данной темы проводились в детских садах [13], на рабочих местах [14], в армии [18] и даже в тюрьмах [23]. Но всё же особое внимание в изучении травли уделялось и уделяется в школе [1, 21, 22]. Школьная травля широко рассматривается как серьезная личная, социальная и образовательная проблема, которая затрагивает значительную часть обучающихся. Мало того, что издевательства причиняют вред и страдания детям, которые подвергаются издевательствам, они также наносят психологические травмы, которые могут сохраняться и во взрослой жизни [21]. В современных психолого-педагогических материалах можно найти отсылку к тому, что феномен буллинга – это не деструктивное поведение, а групповое взаимодействие, некий процесс, имеющий свои закономерности [24].

К настоящему времени в психологии изучены и определены критерии, помогающие отграничить травлю от других похожих феноменов [3, 4, 8, 9], существует большое количество исследований, раскрывающих влияние многих факторов и причин буллинга [8], выделены роли участников буллинга, рассмотрены их типичные личностные особенности и проанализированы соотношения определённых индивидуальных характеристик с вероятностью занять какую-либо из этих ролей [7, 11, 24].

Несмотря на изученность данного вопроса, ежегодно огромное количество мальчиков и девочек испытывают на себе последствия буллинга. По результатам проведённого в 2016 году опроса общественного мнения об опыте издевательств со стороны сверстников, в котором приняло участие 100 тыс. молодых людей из 18 стран две трети респондентов сообщили, что они стали жертвой издевательств [22]. Таким образом, актуальным становится теоретическое осмысление и эмпирическое исследование проблемы личностных особенностей личности обучающихся, находящихся в условиях групповых отношений, характеризующихся наличием основных признаков буллинга.

Краткий обзор литературы. Многие ученые на протяжении столетий изучали различные феномены, касающиеся данного явления. Что же характеризует недавнее время, так это то, что большую популярность стали набирать труды и работы, посвященные такой форме насилия как буллинг [4, 11]. При этом буллинг уже рассматривается как социально-психологическая проблема, требующая конкретных решений и в контексте практической значимости, и в контексте научного осмысления.

Первые работы по изучению школьных издевательств были представлены несколькими скандинавскими учёными (P.P. Heinemann, D. Olweus, A. Pikas, E. Roland и др.). Именно они положили начало систематическому изучению данной проблемы. А вот слово «буллинг», обозначающее указанное явление, было введено как понятие только в 1990 году британским журналистом Э. Адамсом. При этом данное понятие представляло большой спектр входящих в него явлений, начиная от единичных случаев школьной драки и её видеосъёмки, и заканчивая любим школьным насилием, отмечают Р.Б. Иванченко, В.С. Соловьев [5].

Мнения ученых расходятся не только по поводу того, какое место занимает понятие «буллинг», но и каким образом этот термин определяется. Так, E. Roland обозначает буллингом продолжительное физическое или психологическое насилие, исходящее от одного или нескольких человек к конкретному индивиду, у которого в таком положении нет возможности и способности защититься [20]. Позицию этого учёного разделяет Д.А. Лэйн, который пишет об этом в собственной книге «Школьная травля: буллинг» и использует такое же определение данного термина [9].

И. Бердышев, детский врач и психотерапевт, характеризует буллинг как сознательное насилие, которое имеет своё продолжение во времени, не используется как самозащита и применяется одним человеком или группой людей [2]. Социолог И.С. Кон высказывает своё мнение относительно содержания понятия «буллинг». Он определяет его как отношение двух людей, состоящее из неравенства физических или психологических сил, дисбаланса власти, возможности одного ребёнка лишить воли другого, причём такая ситуация имеет более или менее регулярное повторение в течение длительного времени [6].

Т. Филд, основатель Интернет-ресурса под названием Bully OnLine, автор книги «Буллинг в поле зрения», предписывает буллингу регулярное деструктивное поведение одного работника по отношению к другому или же к группе работников в целом. Он может проявляться через различные часто совершенно необоснованные придирки по каким-либо незначительным вещам или мелочам, негативные отзывы о выполненной работе или отказ от отзывов вообще, стремление изолировать сотрудника или целую группу сотрудников от остальных, распускание ложной информации и грязных слухов [12].

Ещё одна точка зрения, заслуживающая особого внимания, представлена Д.Н. Соловьевым. Он определяет буллинг, существующий в школьном классе, как деструктивный способ реализации естественной потребности подростков в формировании внутригрупповой структуры группы, которая основывается на принципе доминирования [11].

Общепринятое, как многие утверждают, определение буллинга представлено скандинавским учёным Д. Олвеусом (одним из первых основоположников изучения проблемы травли). В 70-х годах XX века он провел среди мальчиков немало исследований, касающихся данного явления [1], а в 1993 году опубликовал свою позицию относительно буллинга в детской и подростковой среде. По его мнению, «буллинг (травля) – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы» [3, с. 149].

Как мы видим, обозначение «буллинга» имеет большое разнообразие. С одной стороны, это явление, относящееся к проблеме психологии образования, с другой – феномен, возникший изначально при изучении рабочих коллективов. Одни ученые (Д.А. Лэйн, D. Olweus, E. Roland и др.) определяют буллинг как особый вид поведения и форму насилия [9, 17, 20], другие (И.С., Кон, М.И. Короткова и др.) – как разновидность деструктивного взаимодействия [6, 7]. Но все они не исключают факты закрытости сообщества (субъекты взаимодействия являются представителями одной и той же социальной группы) (А.И. Аверьянов) [1], регулярности проявлений травли, преднамеренности действий (умысла) (И.С. Бердышев) [2], реального или воспринимаемого дисбаланса сил (физического, социального, психологического), агрессивного поведения и наносимого ущерба (И.В. Волкова, Д.А. Лэйн) [4, 9]. «Неравенство сил, повторяемость и слишком чувствительная реакция жертвы – три существенных признака буллинга», пишет С.В. Кривцова [8, с. 36]. Именно эти критерии, отмечает А.И. Аверьянов, позволяют нам ограничивать данный феномен от любых конфликтов или случайных ссор, которые иногда происходят между людьми [1]. В данном исследовании мы опирались на определение буллинга, сформулированного Э. Руланн. Автор понимал под ним длительное физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации [10].

Цель нашего исследования заключалась в анализе личностных особенностей подростков, участвующих в буллинге.

Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, в учебных группах с явными признаками буллинга будут наблюдаться более высокий уровень агрессивности, тревожности и деструктивные стратегии поведения в конфликтных ситуациях.

Для проверки выдвигаемой гипотезы нами были исследованы студенты в возрасте от 15 до 17 лет шести учебных групп КГБПОУ «Алтайская академия гостеприимства» г. Барнаула, которые на основании диагностики были условно разделены на «благополучные» и «неблагополучные». То есть в трёх из шести групп, соответственно, буллинг отсутствовал, в других трёх – присутствовал. Общий объём выборки составил 141 человек.

Методы и методики исследования

Исследование проводилось с использованием опросника диагностики насилия и буллинга в школе Kim Su Jeong в модификации В.Р. Петросянц; теста измерения агрессии Б. Басса и Р. Дарки, адаптированного Л.Г. Почебут; теста стратегий поведения в конфликтной ситуации К. Томаса; методики определения уровня тревожности Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханина.

Математико-статистическая обработка результатов исследования проводилась при помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) с применением статистического пакета «SPSS v.23.0».

Результаты и их обсуждение

На первом этапе осуществлялось обследование обучающихся с помощью опросника диагностики насилия и буллинга в школе Kim Su Jeong в модификации В.Р. Петросянц. В результате чего мы отобрали шесть учебных групп, которые на основании полученных результатов были условно разделены на «благополучные» и «неблагополучные», то есть в трёх из шести групп, соответственно, буллинг отсутствовал, в других трёх – присутствовал. Разделение происходило на основании выделенных нами критериев буллинга: наличие жертв, агрессоров и свидетелей; длительные повторяющиеся агрессивные действия по отношению к жертве; неравенство сил. Если в группе находились все названные критерии, то, соответственно, она называлась «неблагополучной» (то есть имеющей явные признаки буллинга), и наоборот, если какой-либо критерий отсутствовал или же их не было вообще, то группа определялась в категорию «благополучной» (не имеющей явных признаков буллинга).

С целью получения характерных личностных особенностей студентов «благополучных» и «неблагополучных» групп, были произведены сравнения результатов по методикам «Определение уровня тревожности» Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина, измерения агрессии Б. Басса и Р. Дарки (в адаптации Л.Г. Почебут) и «Стратегия поведения в конфликтной ситуации» К. Томаса с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Для того чтобы выявить содержание личностных особенностей у отдельных студентов и в целом у «благополучных» и «неблагополучных» групп мы провели сравнительный анализ по параметру агрессивности.

На основании использования критерия Ливиня было установлено, что дисперсии сравниваемых групп статистически значимо не различаются (критерий Ливиня=3,611 при $p=0,059$). Это дает нам основание для дальнейшего использования результатов однофакторного ANOVA. В результате его применения было выявлено, что средние показатели уровня агрессивности у студентов «благополучных» и «неблагополучных» групп статистически достоверно различаются ($F=29,18$ при $p=0,0001$).

Исходя из полученных среднегрупповых данных, мы можем сделать вывод о том, что в «благополучных» группах у студентов уровень агрессивности ниже, чем в «неблагополучных» группах. Скорее всего, в учебных группах с явными признаками буллинга существуют напряжённые и конфликтные взаимоотношения, которые невозможно решить конструктивным путём, и поэтому члены группы зачастую применяют агрессивные способы воздействия.

Кроме того, нами были обнаружены некоторые особенности в использовании определённых видов агрессии студентами «благополучных» и «неблагополучных» групп.

На основании использования критерия Ливиня было установлено, что дисперсии сравниваемых групп по параметрам «вербальная агрессия» (критерий Ливиня=0,011 при $p=0,918$), «физическая агрессия» (критерий Ливиня=1,792 при $p=0,183$), «предметная агрессия» (критерий Ливиня=0,083 при $p=0,774$), «эмоциональная агрессия» (критерий Ливиня=2,306 при $p=0,131$) и «самоагрессия» (критерий Ливиня=0,853 при $p=0,357$) статистически значимо не различаются. Это дает нам основание для дальнейшего использования результатов однофакторного ANOVA. В результате его применения было выявлено, что средние показатели по параметрам «вербальная агрессия» ($F=5,793$ при $p=0,017$), «физическая агрессия» ($F=69,232$ при $p=0,0001$) и «эмоциональная агрессия» ($F=26,824$ при $p=0,0001$) у студентов «благополучных» и «неблагополучных» групп статистически достоверно различаются. По параметрам «предметная агрессия» ($F=3,412$ при $p=0,067$) и «самоагрессия» ($F=0,079$ при $p=0,779$) различий выявлено не было.

Исходя из полученных среднегрупповых данных, мы можем сделать вывод о том, что студенты «неблагополучных» групп чаще используют вербальную (словесные оскорбления, ругательства), физическую (применение грубой силы, толчки, удары) и эмоциональную (отчуждение, враждебность, чувство подозрительности, неприязнь и т.д.) агрессию, по сравнению со студентами «благополучных» групп. Такие формы агрессии скорее направлены на других людей и являются неким предметом негативного воздействия одного человека на другого. Поэтому, возможно, в группах с явными признаками буллинга студенты применяют такую агрессию и в качестве защиты, и в качестве деструктивного способа самореализации.

Для того чтобы выявить содержание личностных особенностей у отдельных студентов и в целом у «благополучных» и «неблагополучных» групп мы провели сравнительный анализ по параметру тревожности.

На основании использования критерия Ливиня при сравнении по параметрам «ситуативная тревожность» (критерий Ливиня=0,96 при $p=0,329$) и «личностная тревожность» (критерий Ливиня=0,582 при $p=0,447$) было установлено, что дисперсии сравниваемых групп статистически значимо не различаются. Это дает нам основание для дальнейшего использования результатов однофакторного ANOVA. В результате его применения было выявлено, что средние показатели личностной тревожности у студентов «благополучных» и «неблагополучных» групп статистически достоверно различаются ($F=4,991$ при $p=0,027$). Различия по параметру «ситуативная тревожность» не выявлены ($F=1,691$ при $p=0,196$).

Исходя из полученных среднегрупповых данных, мы можем сделать вывод о том, что в «благополучных» группах у студентов уровень личностной тревожности выше, чем в «неблагополучных» группах. Личностная тревожность – это устойчивая характеристика человека, которая отражает некоторую его предрасположенность к тревоге и предполагает наличие у него тенденции к восприятию достаточно большого спектра ситуаций, именуемых «угрожающие». В качестве предрасположенности личная тревожность начинает активизацию при восприятии определенных стимулов, которые оцениваются субъектом как опасные для его самооценки,

самоуважения, самоотношения и т.д. В «благополучных» группах много студентов, у которых она высокая, поэтому для них использование деструктивных форм воздействия – опасная ситуация, касающаяся оценки компетенции и престижа. Изменив внешние стандарты, такая ситуация может подорвать их внутреннюю стабильность, и поэтому они стараются её избегать.

Ситуативная же тревожность (или реактивная) – это естественная и обязательная особенность для любой активной личности, она выражается через определённые переживаемые эмоции (напряжение, беспокойство, озабоченность, нервозность и т.д.). В «благополучных», и в «неблагополучных» группах она умеренная. В некоторых исследованиях сказано, что при ситуации буллинга у определённых её участников наблюдается высокий уровень ситуативной тревожности, поэтому для более детального анализа нужно смотреть уровень тревожности у отдельных членов группы.

Далее нам нужно было посмотреть и изучить личностную предрасположенность к конфликтному поведению у студентов «благополучных» и «неблагополучных» групп, выявить определённые стили межличностного взаимодействия и оценить индивидуальную стратегию поведения в конфликтной ситуации. Для этого мы использовали тест «Стратегия поведения в конфликтной ситуации» К. Томаса.

На основании использования критерия Ливиня было установлено, что дисперсии сравниваемых групп по параметрам «противоборство» (критерий Ливиня=0,288 при $p=0,593$), «сотрудничество» (критерий Ливиня=1,879 при $p=0,0,173$), «компромисс» (критерий Ливиня=0,0001 при $p=0,983$), «избегание» (критерий Ливиня=1,129 при $p=0,29$) и «уступка» (критерий Ливиня=2,941 при $p=0,089$) статистически значимо не различаются. Это дает нам основание для дальнейшего использования результатов однофакторного ANOVA. В результате его применения было выявлено, что средние показатели по параметрам «противоборство» ($F=12,351$ при $p=0,001$), «сотрудничество» ($F=9,02$ при $p=0,003$) и «компромисс» ($F=4,093$ при $p=0,045$) у студентов «благополучных» и «неблагополучных» групп статистически достоверно различаются. По параметрам «избегание» ($F=0,385$ при $p=0,536$) и «уступка» ($F=1,107$ при $p=0,295$) различия не выявлены.

Исходя из полученных среднегрупповых данных, мы можем сделать вывод о том, что в «благополучных» группах студенты чаще используют такие стратегии поведения в конфликтных ситуациях, как «сотрудничество» и «компромисс», реже «противоборство», в отличие от студентов «неблагополучных» групп. Применение деструктивных стратегий студентами учебных групп с явными признаками буллинга связано, скорее всего, с тем, что многие из них стремятся достичь собственных целей, реализовать свои интересы. У них могут наблюдаться такие личностные характеристики, как нетерпеливость, эгоистичность, неумение слушать других, стремление навязывать собственное мнение, агрессивность и т.д.

Выводы

Учебные группы с явными признаками буллинга отличаются более высоким уровнем агрессивности, в отличие от групп без явных признаков буллинга. При этом у студентов «неблагополучных» групп чаще преобладают физическая, вербальная и эмоциональная агрессии, по сравнению со студентами «благополучных» групп.

Уровень личностной тревожности в «благополучных» группах выше, по сравнению с «неблагополучными», при этом группы не отличаются по уровню ситуативной тревожности.

В учебных группах без явных признаков буллинга студенты реже используют деструктивные стратегии поведения в конфликтных ситуациях, чем студенты учебных групп с явными признаками буллинга.

Таким образом, данные результаты исследования могут быть использованы психологами, педагогами, социальными педагогами в своей профессиональной деятельности для профилактики буллинга в образовательной среде.

Благодарности

Авторы статьи благодарят директора Косинову Валентину Фёдоровну и педагога-психолога Рубаненко Наталью Николаевну КГБПОУ «Алтайская академия гостеприимства» г. Барнаула за высококвалифицированную помощь в организации данного исследования и выражают надежду на дальнейшее профессиональное сотрудничество.

Литература

1. Аверьянов А.И. Буллинг как вызов современной школе // Сборник научных трудов Sworld. М., 2013. Т. 18. № 1. С. 45-50.
2. Бердышев И.С. Лекарство против ненависти // Первое сентября. 2005. 15 марта (№ 18). С. 3.
3. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал высшей школы экономики. М., 2013. Т. 10. № 3. С. 149-159.
4. Волкова И.В. Характеристика подросткового буллинга и его определение // Вестник Минского университета. 2016. № 2. С. 26-33.
5. Иванченко Р.Б., Соловьев В.С. Современные подходы к определению и классификации школьного насилия // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. №3. С. 128-132.
6. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009. 704 с.
7. Короткова М. И. Связь буллинга с социально-психологической структурой класса в младшем подростковом возрасте // Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярск. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section113.html>.
8. Кривцова С.В. Буллинг в школе VS сплоченность равнодушных. М., 2011. С. 36-42.
9. Лэйн Д.А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия. СПб.: Питер, 2001. С. 240-276.
10. Руланн Э. Как остановить травлю в школе: Психология моббинга. М.: Генезис, 2012. 264 с. Режим доступа: https://www.psychol-ok.ru/lib/roland_e/kotvs/kotvs_01.html.
11. Соловьев Д.Н. Модель профилактики буллинга среди школьников подросткового возраста // Науковедение. 2014. № 3. С. 155-162.
12. Филд Т. Буллинг. Офисные хулиганы // Пси-фактор. 2005. Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/bulling.htm>.
13. Alsake F. Bullying in kindergarten and prevention // Understanding and addressing bullying: An international perspective PrevNet publication series. 2008. Vol. 1. P. 230-248.
14. Bowling N., Beehr T. Workplace harassment from the victim's perspective: A theoretical model and meta-analysis // Journal of Applied Psychology. 2006. Vol. 91. P. 998-1012.
15. Heinemann P.P. Mobbing, Oslo: Gyldendal. A whole curriculum approach to bullying // Bullying in Schools. Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1988.
16. Kochenderfer B.J., Ladd G.W. Peer victimization: manifestations and relations to school adjustment in kindergarten // Journal of School Psychology. 1996. Vol. 34(3). P. 267-283.
17. Olweus D. Bully-victim problems among school children: Basic facts and effects of a school-based intervention program // The development and treatment of childhood aggression. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. P. 85-128.
18. Ostvik K., Rudmin F. Bullying and hazing among Norwegian army soldiers: Two studies of prevalence, context, and cognition // Military Psychology. 2001. Vol. 13. P. 17-39.
19. Pikas A. The common concern method in the treatment of mobbing // Bullying: An International Perspective. London: Fulton Books, 1989.
20. Roland E. Bullying: the Scandinavian research tradition // Bullying in Schools. – Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1988.
21. Salmivalli C. Bullying and the peer group: A review // Aggression and Violent Behavior. 2010. Vol. 15. № 2. P. 112-120.

22. School Violence and Bullying. Global Status Report / Published in 2017 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Paris, 2017.

23. South C., Wood J. Bullying in prisons: The importance of perceived social status, prisonization, and moral disengagement // *Aggressive Behavior*. 2006. Vol. 32. P. 490-501.

24. Williams M., Undercover Teams: Redefining reputations and transforming bullying relationships in the school community // *Explorations: An E-Journal of Narrative Practice*. 2010. Number 1, 4-13. Режим доступа: www.dulwichcentre.com.au/e-journal.html.

Лужбина Наталья Анатольевна. SPIN: 1347-5332. E-mail: n.a.luzhbina@gmail.com

Гурова Ольга Сергеевна. SPIN: 3411-4673. E-mail: o-gurova@bk.ru

Подручная Диана Александровна. SPIN: 5227-4083. E-mail: podru4naya.diana@mail.ru

Даренских Светлана Сергеевна. SPIN: 6978-2612. E-mail: svetla-ss@yandex.ru

Дата поступления: 11.05.2019

Дата принятия к публикации 10.07.2019

PERSONAL FEATURES OF ADOLESCENTS PARTICIPATING IN BULLING

DOI: 10.25629/HC.2019.07.21

Luzhbina N.A.¹, Gurova O.C.¹, Podruchnaya D.A.², Darenskikh S.C.¹

¹Altai State University. Russia, Barnaul

²Secondary school No.45. Russia, Surgut

Abstract. The article presents a theoretical analysis of such a widespread problem of educational institutions as “bullying”. The manifestations of bullying are different and affect a large number of children. The impact of bullying can be directed to each individual learner and extend to the entire socio-psychological climate of the group. The root cause of the harassment becomes a consequence, and the consequence of its cause. Many scientists are trying to understand this vicious circle, analyzing existing works and conducting their own research. The article also discusses the results of an empirical study aimed at identifying the personality characteristics of adolescents participating in bullying. The following methods were used in this study: a questionnaire for diagnosing violence and bullying in a Kim Su Jeong school modified by V.R. Petrosyants; test measuring the aggression of B. Bass and R. Darki, adapted by LG Cheat; test strategies of behavior in a conflict situation "K. Thomas; method of determining the level of anxiety Ch.D. Spielberger, Yu.L. Hanina. The study found that the risk of bullying increases due to the high level of aggressiveness of the majority of adolescents and their use of unconstructive behavior strategies in conflict situations. Information about the personal characteristics of students is an important element not only in the appearance and development of bullying in an educational environment, but also in the organization of psychological and pedagogical work on its prevention and correction.

Keywords: bullying, aggression, anxiety, conflict behavior strategies, adolescence, educational environment.

Luzhbina Natalia Anatolyevna. SPIN: 1347-5332. E-mail: n.a.luzhbina@gmail.com

Gurova Olga Sergeevna. SPIN: 3411-4673. E-mail: o-gurova@bk.ru

Podruchnaya Diana Aleksandrovna. SPIN: 5227-4083. E-mail: podru4naya.diana@mail.ru

Darensky Svetlana Sergeevna. SPIN: 6978-2612. E-mail: svetla-ss@yandex.ru

Date of receipt 11.05.2019

Date of acceptance 10.07.2019